

Марко Вовчок

Червонный король

Марко Вовчок

Червонный король

«Public Domain»

1860

Вовчок М.

Червонный король / М. Вовчок — «Public Domain», 1860

«Как померла старая барыня, мы достались молодым господам. У покойницы две дочки были барышни. Меньшая-то смирная была. Сызмала постилась по понедельникам. Из себя уродилась невзрачная, и неловка, и неречиста, так маменька ей насоветывала и приказывала: „Ты уж, Анночка, – говаривала, – ты уж обрекись, голубчик, да постись хорошенько: авось, бог поможет милосердный, женишка какого себе и выпостишь: ты ведь ничем не взяла, бедняжечка“...»

Марко Вовчок

Червонный король

Как померла старая барыня, мы достались молодым господам. У покойницы две дочки были барышни.

Меньшая-то смиренная была. Сызмала постилась по понедельникам. Из себя уродилась невзрачная, и неловкая, и неречистая, так маменька ей насоветывала и приказывала: «Ты уж, Анночка, – говаривала, – ты уж обрекись, голубчик, да постись хорошенько: авось, бог поможет милосердный, женишка какого себе и выпостишь: ты ведь ничем не взяла, бедняжечка».

Барышня слушалась и совестливо постилась. Ну, только женихов не бывало. Уезд-то наш небогатый, а из прочих редко кто попадает. Еще и вот что: хоть и попадет какой, норовит к старшей сестрице прильнуть.

Старшая красавица была. Любовью Михайловною звали. Глаза какие прекрасные, голубые, и беспечные, и лукавые; а брови черные, личико беленькое, румянец алый, а смеялась смехом звонким, что слушать любо. Да воструха такая, байчивая, бойкая; умела как и поклониться гостю, и попотчевать, и взглянуть! Маменька только, бывало, бога хвалит. «Эта в меня пошла!» – говорит.

А меньшая, войди чужой человек, совсем оробеет, растеряется и онемееет. Сначала маменька ее усовещивала, сердилась, да видит, что все это не от непослушания, видит, как сама она разливается в три ручья, – махнула рукой: «От природы уж такая!» И оставила ее. «Живи себе, как тебе хочется, как уже тебе бог даст!» И еще больше к старшей пристрастилась. «Утешение мое единственное», – так и называла ее.

Барышни и росли себе. Старшая хорошела, расцветала цветом; меньшая все робче становилась. Тут старая-то барыня и померла.

Похоронили, поплакали.

Старшая взялась хозяйничать:

– Ты уж, Анночка, не мешайся, – говорит меньшей сестрице, – что ты смыслишь!

– Хорошо, – та ответила ей покорно.

Была наша Любовь Михайловна хозяйка хотя молодая, да зоркая, распорядительная, расторопная. Она и в зеркало на себя насмотрится, и варенья наварит; знала, как лучше себе косички завить, и умела повара вороватого вывести на свежую воду. Основательная была барышня. Как маменьку хоронили, ведь как огорчена была, плакала как горько, а ложек серебряных не забыла. В горячих слезах нам говорит: «Смотрите за ложками! Кто их знает, всех этих поминальщиков!» А справляли обед похоронный, и много было чужих.

Как по маменьке прошла печаль, Любовь Михайловне жилось хорошо и привольно; что хотела себе, то и делала. С кем-то в городе познакомилась, в город ездила, веселилась; где ярмарка – на ярмарку; жила, словом сказать, припеваючи.

Меньшая все дома, все в своей комнате. Не то чтоб ее старшая сестра не любила, нельзя сказать; нельзя сказать, чтоб и любила. Видно, что и она ее за дурочку считала, за недалекую. Бывало, лучше по комнатам ходит, да сама себе улыбается, чем сестре сказать слово советливое; не порадуетсся с нею, не запечалится, вспомнит о ней только за обедом.

Езжали к нам барыни, покойницы сестры двоюродные. Две их было, обе вдовы: Федосья Павловна и Марья Павловна. Федосья Павловна была барыня сухощавая, только огневая: живые глаза, скорые слова. А Марья Павловна поувалистее, и говорила больше нараспев, и еще любила она временем богорадною прикинуться. Не приведи ж, господи, какие обе они удались вздорные да сварливые; всегда меж собой в ссоре. Там одна только скажи, что: «Вот тучи собираются, дождю быть», – чего, кажись, безобиднее? – другая уж взъерошилась. Станут ли мириться – на миру своем еще хуже перессорятся. Кучер их рассказывал, что не раз богу

вздыхал: «Оглуши ты меня, господи! Горы ли, доли ли, ведро ли, гроза-буря ли, все одно, – целую дорогу ссорятся». Добрый это человек был их кучер, Платоном звали, только курил он какой-то дурманный корешок, что свежего человека опьянял. Он, впрочем, и сам признавался, что пристрастился к тому корешку больше от горя своего и несчастья.

Приедут, бывало, тетеньки к нам и сядут по разным горницам. Чуть подойдет барыня к одной, другая уж летит в гнев: «Я тебе, сестрица, нужна ли? Я могу и отъехать домой». Кое-как ублажит ее барыня наша, глядь, другая отъезжать собирается, ту надо улещать. Советы у них семейные бывали все больше об меньшей барышне, об Анне Михайловне. Просит барыня:

– Сестрицы, посоветуйте, что тут делать да как быть; Анночка-то моя богом обойдена!

Так одна говорит:

– Оставь ее, живут же люди и без семьи. Какова семья!

А сама глядь на сестрицу. Та уж вспыхнула.

– Надо замуж Анночку! – кричит. – Можно ей смирного какого выискать. Анночка не уморит мужа, как другие!.

– Кто ж уморил? – подхватит сестрица.

– А вы небось своего не спроводили на тот свет? Прямо в рай попал, мученик!

– А ваш-то с чего на смертной постели твердил: *несть зла тища, яко жена зла?*

И пошло, и пошло. Крик такой тонкий да звонкий, – вчуже содрогаешься. Велит, бывало, барыня на весь дом закричать: «Пожар!» – или прикажет Никите-кучеру завывать нечеловеческим голосом; тем только и можно развести было.

Сама барыня покойница под конец попечение отложила об Анне Михайловне, а тетеньки все еще споривали про ее замужество.

Жили мы себе спокойно, день за день. Старшая барышня разъезжала; меньшая все хирела.

За старшую женихи сватались. Один сватался военный, не по нраву пришелся, и, правду сказать, неказист был; другой из суда уездного, и этот не полюбился. «Слова сказать не умеет и перо за ухом носит!» – не пошла.

«Чего спешить мне? Еще не последний!» Ей шел всего-то девятнадцатый год, а меньшей восемнадцатый.

На святой приехала к ним старушка Сергеевна от тетенок с поклоном. Старушка была уж старая-престарая и жила она у тетенок *на покое*. Как бы это вам растолковать-то хорошенько? Ну, значит, это не имей покою и на миг; за всем в доме смотри, все у нее на руках, все на ее ответе... У нас таких старушек доверенных еще и теперь встретишь. Берут их в горницу маленькими девочками, учат уму-разуму толчками. Вот вырастут, выучатся. Случится, что и полюбится кто, посватается, не отдадут: привыкли, мол. Идет время, стареются господа, стареется девушка, вот и старики. Молодые барышни маменькину девушку не трогают. Умрет маменька, они ей старые платья пожалуют, от работы освободят, чашку чаю ей положат. «Маменька тебя любила, живи на покое, бог с тобой, да гляди за всем. Ты маменьке служила верно, и мы тебе верим». Вот и живет такая старушка, и доживает век, вздыхаячи, как Сергеевна. Я, право слово, заметила, что все они вздыхают; словно что потеряли без возврата, так вздыхают.

Приехала эта Сергеевна к нам, прислали тетеньки племянниц проводить; того году была святая рання, в самую распутицу: мосты все снесло, овраги залило, опасно самим пускаться в дорогу. Приехала Сергеевна, и сейчас она увидела, что меньша-то барышня жалка очень. И все она около нее похаживала, все с нею заговаривала. Та, по своему обычаю: «да» да «нет».

– Что это меньшая-то у вас жалкая такая? – спрашивает у нас Сергеевна.

Мы ей рассказываем все, как знаем, и что ее за глупенькую почитают.

– Ох, вы-то разумницы у меня великие! – говорит, на нас головой качаячи.

А нам-то вправду казалось, что и сама Анна Михайловна виною: ведь и вольна, и все есть. Чего ей робеть? Откуда горе?

– Молоды еще, – говорит Сергеевна, – еще не знаете, что горе не всегда по причине бывает. Горю всегда дорога есть, и не в такие палаты горе пробирается.

Это правда. Точно пробирается. А все-таки настоящего-то горя у барышни не бывало.

Вечером, как все спать легли, Сергеевна к меньшей барышне пошла. А барышня богу молится; не видит, не слышит. Заметила – вздрогнула.

Сергеевна ей говорит:

– Что ж испугались, барышня? Это я.

– Чего тебе надо, Сергеевна?

– Да так, пришла к вам. Вот сяду да посижу около вас.

Села себе на скамеечке, а барышня села на своей кровати.

– Небось скучненько вам деревенское-то житье бывает? Деревня ваша глухая, соседства близкого нету.

– Сестрица в город ездит; там весело, – говорит.

– А вы-то отчего не поедете с нею?

– Зачем же мне ехать?

– Как зачем? Людей, посмотреть. Право бы, съездили, может, и покажется.

– Нет... Мне дома лучше.

– Хозяйничать охочи?

– Нет... Это сестрица.

– А вы что?

– Я... Я шью что-нибудь... погуляю пойду.

– Такое житье молодой голове не приходится. Ну, нечего делать, потерпим, переменится.

– Как переменится? Когда?

– А вот, сядем-ка, погадаем мы с вами: что и скоро ли. Благо, со мной и карты есть; вот мы и погадаем, что нам будет.

Придвинула столик поближе к кровати, вынула карты и стала гадать барышне.

– Ну, вот и перемена жизни выходит... смотрите-ка, вести радостные; и пиковое вам огорчение вышло, пиковая семерка замешалась, будь ей пусто! Ну, да без этого нельзя. Мы и перетерпим. А вот и отошла она, – туда ей дорога! А вот червонный король присоседился, мысли его около бубновой дамы, – вы ведь бубновая дама, – и лицом к ней обернулся. Все четыре туза вышли: исполнение желания. Желание ваше исполнится, барышня!

– Желание? – промолвила барышня.

– Да, да. Чего вы себе желали, то сбудется!

– Чего ж я желала? – говорит. – Чего мне желать?

– Что ж вы, сердечная моя, неужели и не желали себе ничего?

Она не ответила, а горько заплакала.

– Полно плакать, – говорит Сергеевна, – нам еще надо погадать теперь об червонном короле, что он за птица. Оботрите глазки да поближе придвиньтесь.

Барышня слезы отерла, ближе к столику наклонилась. Слушает, не дохнет. А Сергеевна раскидывает карты да рассказывает:

– Трудно червонному королю. В печальных мыслях наш голубчик! А вот ему и трефовая дорога в трефовый дом: маменька-то ваша покойница трефовая была.

– Он собирается к нам? – вскрикнет барышня.

– Ах! Карты, было, смешали. И чего пугаетесь? Он еще во двор не въехал. Да и собираться-то как ему, коли еще не знает, есть ли вы на белом свете? А только тянет его куда-то, душа кого-то ищет, вот он и печален. Ему еще две дороги лежат, да помеха будет бубновая. И

ехидно советует какой-то вдовец преклонный. Да все его ковы нипочем нашему! Его нам бог сохранит! Вот подвернулась еще смутьянка, пиковая дама! Понапрасну, матушка, бьешься!

Рассказывает Сергеевна по картам, а барышня только все бледнеет да краснеет. Долго гадали они. Уж заря стала заниматься, так вспомнила Сергеевна, что спать пора.

– Ложитесь, барышня, – говорит Сергеевна, – почивайте себе спокойно; будет и на нашей улице праздник.

– Завтра придешь ко мне? – спрашивает барышня, а сама глазами ее молит.

– Приду, приду; а теперь ложитесь. Ишь, сердчишко-то бьется, так и стучает.

Уложила ее Сергеевна, перекрестила и пошла.

Встала на другой день Анна Михайловна да вышла к нам – мы чуть не ахнули: румянец во всю щеку играет. Когда это бывало?

И сестрица старшая за обедом заметила. «Что это ты, Анночка, – говорит, – верно, все по солнцу бегаешь? Посмотри-ка на себя, на цыганку похожа». А сама глянула на себя в зеркальце напротив: беленькая, нежненькая, щечки алеют, – усмехнулась себе ласково.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.